

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. М. АНФИМОВ

Изменения, происшедшие в годы первой мировой войны в крестьянском хозяйстве, имели огромное значение для победы сначала Февральской, а затем Великой Октябрьской социалистической революции. Однако изучение этих изменений сопряжено с большими трудностями: земская статистика во время войны была парализована, а государственная, несмотря на ее некоторую активизацию в области сельского хозяйства (переписи 1916 и 1917 гг.), дала очень односторонний суммарный материал, не позволяющий выделить группы крестьянских хозяйств. К тому же, поскольку не было всеобщих переписей крестьянских хозяйств до войны, данные переписей 1916 и 1917 гг. в целом сравнить не с чем. Этим и объясняется то, что в работах о сельском хозяйстве указанного периода¹, давших немало верных в общем выводов, остались нерешенными некоторые важные вопросы.

В упомянутых работах не были использованы наиболее надежные источники для выявления изменений в крестьянском хозяйстве, а именно данные земских переписей, проводившихся в ряде губерний в предвоенные годы. Сравнение итогов этих переписей с данными переписей 1916 и 1917 гг. по тем же губерниям послужило основным материалом для настоящей статьи. Привлечены также неопубликованные материалы архивных фондов.

* * *

Первым и самым сильным ударом, который война нанесла крестьянскому хозяйству, явилась мобилизация на фронт рабочего мужского населения.

Количество мобилизованных в армию мужчин возрастало следующим образом²:

	Мобилизовано тыс. человек
к 1 августа 1914 г.	3 915
» 1 февраля 1915 »	6 295
» 1 марта 1916 »	10 450
» 1 мая 1917 »	14 375

¹ Г. С. Гордеев. Сельское хозяйство в войне и революции. М.—Л., 1925; А. В. Шестаков. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы мировой войны и перед Октябрем, Л., 1927; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1956; А. П. Погребинский. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. «Исторические записки», т. 31, 1950; Н. В. Симонов. Сельское хозяйство России в годы первой мировой войны. «Вопросы истории», 1955, № 3.

² «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», М., 1925, стр. 17, 20.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проводившейся летом 1917 г., из сельских местностей 75 губерний и областей было мобилизовано на войну 12861,4 тыс. человек, в том числе из 47 губерний Европейской России 10932,2 тыс. человек³. По 50 губерниям и областям число мобилизованных составило 22,6% всех мужчин и 47,4% трудоспособного мужского населения⁴.

Крестьянские хозяйства сплошь и рядом оставались совсем без работников-мужчин. В Архангельской губернии, например, в 1917 г. таких хозяйств насчитывалось 35,9%⁵. В Вятской губернии уже в 1916 г. в 29,0% хозяйств не было мужчин рабочего возраста⁶. В Рязанской губернии таких хозяйств с 1917 г. насчитывалось 35,2%⁷.

Мобилизация на войну была самым большим, но не единственным каналом, по которому происходил отлив рабочей силы из деревни. Многие крестьяне и в годы войны были заняты «промыслами», ремеслами или уходили на заработки, занимались торговлей и т. д. Всех этих лиц переписи именовали «промышленниками». Выделив из общего числа «промышленников» мужчин рабочего возраста, отлив рабочей силы из крестьянского хозяйства можно представить следующими цифрами (данные по 35 губерниям Европейской России)⁸:

Всего мужчин рабочего возраста	16524,9 тыс. человек
Из них:	
взято в войска	7682,7 » »
занято «промыслами»	2443,0 » »
Осталось в своих хозяйствах в 1917 г.	6399,2 » »
Мужчин рабочего возраста на одно хозяйство	0,56 человека
Мужчин рабочего возраста на 100 десятин посева	13,8 »

Цифры показывают, что в своих хозяйствах в 1917 г. оставалось лишь 38,7% трудоспособных мужчин. При этом, по неприведенным здесь порайонным данным, наименьшая обеспеченность рабочей силой в расчете на 100 десятин посевов наблюдалась в южном степном районе (Причерноморье) — 9,5 человека и в Нижневолжском и Заволжском районах — 12 человек.

Но эти средние цифры скрывают очень большие различия в обеспеченности рабочей силой отдельных групп крестьянских хозяйств. В то время как в бедняцких хозяйствах на войну сплошь и рядом шел единственный работник, в хозяйствах кулаков оставалось по два-три и более работника. В Рязанской губернии, например, у общинников в 1917 г. без работников было 35,6% хозяйств, тогда как среди хуторян — 24,3%, т. е. в полтора раза меньше⁹.

Сокращение количества рабочей силы повлекло за собой прежде всего сокращение предложения труда наемных рабочих в сельском хозяйстве. Так, по волостям Ефремовского уезда, Тульской губернии это сокращение выразилось в цифрах, приведенных в таблице 1¹⁰.

³ «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», стр. 49.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ «Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 года по Архангельской губернии», вып. II, Архангельск, 1920, стр. 98—99.

⁶ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии», Вятка, 1916, стр. 179.

⁷ Архив ЦСУ при Совете Министров СССР, отд. сельск. хоз., 1917, д. 85, л. 30.

⁸ «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям». «Труды ЦСУ», т. V, вып. 2, М., 1923, стр. 1—193 (далее: «Поуездные итоги...»).

⁹ Архив ЦСУ, отд. сельск. хоз., 1917, д. 85, л. 29.

¹⁰ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. 1, М., 1928. Таблицы, стр. 540—799.

ТАБЛИЦА 1

	1910 г.		1917 г.		
	Количество хозяйств	%	Количество хозяйств	%	% к 1910 г.
Учтенные хозяйства	4 596	100,0	4 745	100,0	103,2
Хозяйства, отпускавшие сельскохозяйственных рабочих	763	16,6	61	1,3	8,0
Хозяйства с наймом сроковых рабочих	300	6,5	108	2,3	36,0

Из таблицы видно, что доля крестьянских хозяйств, отпускавших сроковых батраков, с 16,6% в 1910 г. сократилась до 1,3% в 1917 г. В связи с этим сокращением уменьшилась и доля хозяйств, нанимавших сроковых рабочих, хотя и далеко не в такой же степени. Таким образом, война ударила прежде всего по хозяйствам бедноты, жившей за счет продажи рабочей силы на сельскохозяйственных работах.

В годы войны появился небольшой слой крестьянских хозяйств, по преимуществу середнячков, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, а во время войны стали нанимать батраков для замены ушедших на войну работников. Однако главным потребителем наемной рабочей силы по-прежнему оставалось помещичье и кулацкое хозяйство.

С учетом наемных рабочих, занятых в хозяйстве крестьян, наличие рабочей силы в крестьянском хозяйстве можно представить в следующих цифрах ¹¹ (табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Районы	Число губерний	Всего трудоспособных мужчин и женщин (тыс.)	Взято в войска (тыс.)	Занято по найму и «промыслам» (тыс.)	В том числе по найму у крестьян (тыс.)	Занято крестьян в сельском хозяйстве (тыс.)
Северный	3	1145,1	298,6	122,7	9,0	732,8
Северо-западный	2	1168,7	261,7	192,6	8,0	722,4
Промышленный	6	4511,5	1011,2	779,2	55,1	2776,2
Северочерноземный	7	7919,2	1901,5	838,4	49,2	5228,5
Южночерноземный	1	1372,8	337,3	152,4	14,7	897,8
Юго-западный	2	2174,4	439,8	298,0	15,3	1451,9
Южный степной	2	2677,8	527,8	310,4	73,7	1913,3
Средневолжский	3	3433,3	778,6	360,3	26,3	2320,7
Нижневолжский	7	7318,4	1723,0	438,5	109,1	5266,0
Итого . . .	33	31721,2	7279,5	3492,5	360,4	21 309,6

Таблица показывает, что из общего количества рабочей силы по 33 губерниям в 31,7 млн. человек максимальное число лиц, могущих принимать участие в сельскохозяйственных работах, в 1917 г. равнялось 21,3 млн. человек, т. е. 67,2%. Из них мужчин по указанным 33 губерниям было 6,0 млн., а 15,3 млн. составляли женщины. Таким образом, женщины составляли 71,9%, т. е. почти три четверти всей трудовой сельскохозяйственной армии. Напомним попутно, что в помещичьем хозяйстве доля женщин в числе наемных рабочих составляла в 1917 г. 58,8%, т. е. была значительно меньше, чем в крестьянских хозяйствах.

¹¹ Таблица составлена по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года.

В первую мировую войну женщина впервые в капиталистическую эпоху стала главной силой в сельскохозяйственном производстве в масштабе всей страны.

Тяжелое положение с рабочей силой, создавшееся в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств в связи с мобилизациями, усугублялось тем, что огромные массы людей сгонялись властями на работы, связанные с ведением военных операций или с выполнением военных поставок. Особенно широкий размах получили эти работы на территориях, считавшихся театром военных действий.

В Черниговской губернии, например, окопные работы отвлекали ежемесячно большие массы крестьянского населения, что вызывало резкое недовольство крестьян, особенно в период сельскохозяйственных работ. Даже в губернаторском отчете, хотя и глухо, но говорилось, что крестьяне в мае 1916 г. «проявляли недовольство по поводу чрезмерного количества нарядов на окопные работы»¹². Губернатором отмечаются «частые случаи уклонения от этих работ, но виновные каждый раз подвергаются административным взысканиям»¹³.

Однако административные взыскания были не единственной карой за уклонение от принудительных окопных работ. Иногда расправу с крестьянами чинили военные власти, и тогда в дело пускались розги.

Принудительные работы по нарядам военных властей велись и в губерниях, расположенных вне прифронтовой зоны, хотя и в меньших размерах. Особенно большого количества рабочих и лошадей требовала заготовка и подвозка леса для заводов, работавших на «оборону».

Например, в лесах Ижевских заводов с 1 мая 1916 г. ежедневно работало 7000, Воткинского — до 5120 рубщиков. За два месяца ими было вырублено до 138 870 сажень дров. В губернаторском отчете говорилось об этих работах: «Среди рабочих встречались дряхлые старики, дети и неспособные к этим работам... Добровольных рубщиков не было, рубщики жили в лесах под открытым небом, в лесных бараках, шалашах и деревнях. Провизию и фураж рабочие привозили с собой и лишь при недостатке покупали по ценам, считавшимся ныне нормальными»¹⁴.

Применялись и открыто принудительные меры для привлечения крестьян на работы в помещичьих хозяйствах. Это принуждение было распространено главным образом в местностях, объявленных на военном положении.

Особенно наглые формы приняло принудительное привлечение крестьян на работы в помещичьих экономиях в районе Западного фронта, о чем в смягченном и приглаженном виде докладывал председателю совета министров главнокомандующий этим фронтом генерал Эверт в письме от 26 января 1917 г.: «Для обеспечения успешной реализации минувшего урожая трав и хлебов в губерниях Западного фронта... я счел необходимым... летом 1916 года принудительно привлечь к уборке несобранного урожая все способное к сельскому труду население обоего пола, в возрасте от 15 до 50 лет, закончившее уборку своих полей...»¹⁵.

Остается сказать о труде военнопленных и беженцев в крестьянском хозяйстве. Для изучения этого вопроса пока не найдено надежных источников. Данные о военнопленных и беженцах, полученные в результате подворных переписей, не были включены в публикации итогов, а рукописные материалы, послужившие основанием для публикаций, в центральных архивах сохранились лишь по Рязанской губернии. В этой губернии в 1917 г. в крестьянских хозяйствах насчитывалось трудоспособных мужчин и женщин, исключая отсутствовавших, 716 547 человек. Военнопленных у кре-

¹² ЦГИАМ, ф. 102, дел-во 4, 1916, д. 108, ч. 85, л. 8.

¹³ Там же, л. 1.

¹⁴ Там же, ч. 15, л. 6.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 14, д. 1003, л. 1.

стьян работало 257 и беженцев 56 человек¹⁶. Таким образом, военнопленные и беженцы, составляя ничтожную долю в числе всех работников, практически не играли почти никакой роли. Заметим, что в помещичьих хозяйствах в 1916 г. военнопленные и беженцы составляли 27% общего числа рабочих и служащих. По сведениям печати, только в южных и юго-восточных губерниях труд военнопленных в крестьянских хозяйствах имел некоторое значение для крупных кулацких хозяйств. Мелкие же хозяйства, даже когда они имели возможность использовать труд военнопленных, редко могли получить их от земств. Подтверждением и пояснением этого замечания может служить, например, отчет херсонского губернатора о настроении населения за июнь 1916 г.: «Было замечено,— говорилось в отчете,— некоторое недовольство тем, что земство отказывает давать военнопленных на полевые работы крестьянам (которые, требуя по одному-два человека, не могут организовать охрану), в то время как помещики получали военнопленных беспрепятственно...»¹⁷.

В целом у крестьян, в расчете на посевные площади, было больше наличных работников, чем у помещиков. Однако у крестьян было больше женской рабочей силы, а женщина не могла уделять производству равное с мужчиной время, так же как не могла сравняться с ним в физической силе. Рабочая сила крестьян в значительной мере отрывалась от работ в своем хозяйстве на принудительные работы по нарядам властей. Немалая доля рабочей силы уходила к помещикам на работы в качестве месячных и поденных рабочих, учесть которых не представляется возможным. Кроме того, внутри самого крестьянского хозяйства в ходе войны увеличилась неравномерность распределения рабочей силы. Все это крайне неблагоприятно отразилось на состоянии хозяйства беднейших слоев деревни. Если же говорить о крестьянском хозяйстве в целом, то при наличии значительного аграрного перенаселения, существовавшего до войны, отлив рабочей силы из деревни не повлек за собой резкого сокращения производства в крестьянском хозяйстве. Это видно из приведенных ниже данных о посевных площадях (табл. 6).

* * *

К трудностям, возникшим в крестьянском хозяйстве в связи с мобилизацией мужчин в армию, прибавились трудности, связанные с сокращением поголовья рабочего скота вследствие реквизиций лошадей и волов для нужд армии.

До настоящего времени считалось, что ко второй половине 1917 г. для армии было изъято у населения 2,1 млн. лошадей¹⁸. Проверка по архивным данным мобилизационного отдела генерального штаба показала, что уже к весне 1917 г. для нужд армии было мобилизовано, реквизировано и скуплено у населения около 2,6 млн. лошадей¹⁹.

По закону о военно-конской повинности мобилизации подлежала даже единственная лошадь, тогда как владелец нескольких лошадей должен был сдать лишь половину их, и даже меньшую часть, если число лошадей было нечетным, т. е. из трех одну, из пяти две и т. д. Закон, таким образом, направлял главную тяжесть реквизиции на однолошадных и двухлошадных крестьян. Кулаки же оказывались в более выгодном положении, как и помещики. Кроме того, кулаки и помещики скрывали своих лучших лошадей от мобилизации. Так, богатый крестьянин Полтавской губернии Алексей Пьявко, имевший два хутора в двух соседних волостях и в них

¹⁶ Архив ЦСУ, отд. сельск. хоз., 1917, д. 85, лл. 29—30.

¹⁷ ЦГИАМ, ф. 102, дел-во 4, 1916, д. 108, ч. 84, л. 20.

¹⁸ См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1956, стр. 635. «Очерки истории СССР, 1907 — март 1917», под ред. проф. А. Л. Сидорова, М., 1954, стр. 297.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2539, л. 40—40 об.; д. 998, лл. 68—68 об., 72; д. 2508, л. 208; ф. 12564, оп. 203, д. 30, лл. 18—20.

до 30 лошадей, при военно-конских осмотрах перегонял лошадей из одной волости в другую²⁰. Особенно часто такие комбинации проделывали крупные землевладельцы, владевшие имениями в разных уездах²¹.

В перлюстрированном письме Позе из Чистополя в Москву к княгине А. П. Ливен говорилось: «Многие из землевладельцев и крестьян хороших лошадей совершенно не представляют. При нашей маниловщине доносить об этом никто не станет. Все эти безобразия легко было устранить, если бы при конной мобилизации была пропорциональность, как при реквизиции прочего скота... Затем, не следовало бы от крестьян подряд брать последних лошадей. В Змиеве, например, у одного крестьянина, имевшего одну лошадь, в первую мобилизацию взяли ее; он купил другую, и ее взяли; покупает третью — и она записана. Или — были две лошади, одну берут в первую мобилизацию, вторую — в следующую»²².

Цены на лошадей, поставляемых по военно-конской мобилизации, были установлены еще в 1911 г.

Оплата за лошадей не возмещала их стоимости. Сразу же после первой мобилизации начался рост рыночных цен на лошадей, и за полученные по мобилизации деньги купить лошадь было уже невозможно. Государственные цены на лошадей были повышены только 15 мая 1916 г., т. е. тогда, когда 2 млн. голов было мобилизовано.

Что значило лишиться лошади и получить взамен ее деньги, хорошо видно из наблюдения подполковника Адамовича, командированного в марте 1916 г. в Ветлужский уезд для выяснения причин недобора лошадей. В своем докладе Адамович писал: «Крестьяне при сдаче лошадей теряют не только рабочее время до прискания лошади, но при существующей сдаточной цене — обоз II разр. — 75 руб., обоз I разр. — 100 руб., артиллерия — 100 руб., верховая — 225 руб. — теряют примерно столько же, так как дешевле 150, 200, 300 руб. соответствующей, особенно молодой, лошади купить сейчас нельзя, а купив — ожидание нового забора; у некоторых крестьян были взяты вновь купленные лошади взамен ранее взятых, почему у крестьянина отпадает возможность и охота заводить хороших лошадей, и в большинстве они не идут навстречу поставке лошадей в войска»²³.

Как в конечном итоге изменилось поголовье рабочего скота в течение войны, дает представление сравнение довоенных земских переписей и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по поголовью рабочих лошадей, приведенное в таблице 3. Довоенные данные взяты в основном из сборника «Земские подворные переписи 1880—1913»²⁴. Губернии, по которым данные получены из других источников, оговариваются подстрочными примечаниями. Сведения за 1916 г. взяты из опубликованных предварительных итогов переписи²⁵.

Приведенная таблица показывает, что при увеличении числа наличных хозяйств на 7,5% поголовье рабочих лошадей по 13 губерниям снизилось на 1,1%. На 100 хозяйств до войны приходилось рабочих лошадей 115,3, а в 1916 г. — 106,1, что означает сокращение поголовья на 8,0%.

Само по себе такое сокращение еще не говорит о тяжелом положении с тягловой силой, если иметь в виду только количественную сторону дела. Совсем по-иному выглядит картина, если принять во внимание качественные изменения в поголовье лошадей. Как указывалось выше, уже к весне 1916 г. из 7 млн. лошадей, годных к мобилизации, было взято в армию около 2 млн. голов. Если при этом учесть, что лошади мобилизова-

²⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. III, д. 2433, л. 155 об.

²¹ Там же, д. 2509, л. 23.

²² Там же, д. 2433, л. 152.

²³ Там же, д. 2507, л. 332.

²⁴ «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги», составили З. М. и Н. А. Свавицкие, М., 1926.

²⁵ См. «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.», вып. 1, Европейская Россия, Пг., 1916 (далее «Предварительные итоги...»).

ТАБЛИЦА 3

Губернии	Год довоенной переписи	Число хозяйств (в тыс.)			Рабочих лошадей		
		До вой-ны	1916 г.		До вой-ны	1916 г.	
			в тыс.	%		в тыс. голов	%
Вологодская (2 уезда)	1908—1911	65,7	69,7	106,0	57,2	53,5	93,7
Волынская (7 уездов) ²⁶	1910	267,5	290,7	108,7	344,1	392,2	114,0
Вятская ²⁷	1909—1912	540,7	591,0	109,3	634,4	621,6	98,0
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	35,6	38,4	108,1	49,2	52,5	106,6
Новгородская ²⁸	1913	231,0	263,3	114,0	253,1	244,3	96,6
Пензенская	1910	264,6	281,5	106,4	249,5	238,3	95,5
Полтавская	1910	451,7	475,6	105,3	379,6	400,4	105,5
Самарская (2 уезда)	1911—1913	101,7	112,2	110,3	171,1	173,5	101,5
Симбирская	1911	285,2	304,6	106,8	266,6	255,3	95,8
Тамбовская ²⁹	1912	469,9	484,1	103,0	436,7	439,1	100,6
Тульская	1910—1912	220,4	246,0	111,6	241,5	262,2	108,5
Уфимская	1911	470,8	499,7	106,1	848,5	748,3	88,2
Харьковская (без Старо-белского уезда)	1913	330,9	357,2	107,9	375,7	376,9	100,3
Итого ...	—	3735,7	4014,0	107,5	4307,2	4258,1	98,9
На 100 хозяйств...	—	—	—	—	115,3	106,1	92,1

лись главным образом у крестьян, а у них и без того хороших лошадей было значительно меньше, чем у помещиков, станет особенно ясно, какой урон понесло крестьянское хозяйство вследствие мобилизации лошадей. В хозяйстве оставался для использования главным образом молодняк, старые лошади и жеребье матки, не подлежащие мобилизации.

Рабочим скотом ухудшенного качества крестьяне должны были не только обеспечивать производство в собственном хозяйстве, но и выполнять ряд других работ. Исполнение обязательных натуральных повинностей, сильно возросших в годы войны, отвлекало большое количество тягловой силы от работ в крестьянском хозяйстве. Например, в Архангельской губернии дорожная и подводная повинности потребовали предоставления крестьянами в 1915 г. 22 329 лошадей и в 1916 г. — 24 592 лошадей³⁰. Если учесть, что из 68 тыс. хозяйств Архангельской губернии 22 тыс. хозяйств в 1917 г. не имели лошадей, станет очевидной тяжесть этой натуральной повинности для остальных хозяйств, особенно при крайней неравномерности распределения ее между различными местностями и хозяйствами.

Заслуживает быть отмеченным факт увеличения поголовья рабочих лошадей в губерниях, объявленных на военном положении, а также граничивших с ними — Волынской, Калужской, Полтавской, Тульской

²⁶ «Материалы подворной переписи Волынской губернии 1910 года», Житомир, 1914, стр. 214—240.

²⁷ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии», Вятка, 1916, стр. 179, 182.

²⁸ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии», Новгород, 1920, стр. 144.

²⁹ «Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году», Тамбов, 1914, Приложение 1.

³⁰ «Обзор Архангельской губернии за 1914 г.», Архангельск, 1915, Ведомость № 35; То же за 1915 г., Архангельск, 1916, Ведомость № 40.

и Харьковской. Такое же явление, по другим источникам, отмечалось в прифронтовой Минской губернии, где число рабочих лошадей с 210,4 тыс. в 1915 г. увеличилось до 233,0 тыс. в 1916 г. «Объяснение этому,— говорится в предисловии М. Шкубера к материалам переписи,— не следует искать в экономических условиях или в неточности учета, а исключительно в фронтовом положении края: наступление германской армии на Западном фронте в 1915 г. вызвало колоссальную волну беженства, от которой в Минщине осел не один десяток тысяч лошадей (повозка с лошастью = 5—10 руб., а то и бесплатно), между тем как в то же время распоряжением военных властей, особенно в западных, пограничных с Виленской губернией уездах, происходило поголовное уничтожение скота, преимущественно рогатого и мелкого (осуществление директивы оголения зоны, угрожаемой неприятелем)»³¹.

Большие партии беженцев проходили через другие указанные выше губернии, теряя здесь свое имущество. Сюда же, особенно в Полтавскую и Харьковскую губернии, отправлялись собиравшиеся военными властями гурты беженского скота. В прифронтовых губерниях оставались также почти все выбракованные армией лошади.

Несколько увеличилось в абсолютных цифрах поголовье лошадей в Тамбовской и Самарской губерниях.

В шести из указанных губерний, удаленных от фронта (Вологодской, Пензенской, Симбирской, Уфимской, Вятской, а также Новгородской), поголовье лошадей уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Уфимской губернии на 100 хозяйств до войны приходилось 180 рабочих лошадей, а в 1916 г.—148, т. е. на 20% меньше.

Кроме абсолютного и относительного уменьшения поголовья, а также снижения качества скота, в годы войны усилилась неравномерность распределения рабочего скота. В одних хозяйствах поголовье росло, в других —уменьшалось. Наглядное выражение этого процесса дают следующие цифры по Владимирской губернии (табл. 4), вычисленные по данным подворных переписей, причем число хозяйств для 1912 г. вычислено по интерполяции данных переписи 1897—1900 гг.³² и переписи 1917 г.

ТАБЛИЦА 4

	1912 г. ³²		1917 г.	
	Число хозяйств	%	Число хозяйств	% ³³
Безлошадные	94 620	38	104 512	41
Однолошадные	126 990	51	135 101	53
Многолошадные	27 390	11	15 294	6
Итого ...	249 000	100	254 907 ³⁴	100

Налицо крупная перемена в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом в сторону увеличения числа однолошадных и особенно безлошадных хозяйств. Хотя число многолошадных значительно сократилось, что в условиях войны вполне понятно, но отсутствие более подробных сведений о них не допускает утверждений об обеднении этой группы хозяйств.

³¹ «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.», Витебск, 1925, стр. II—III.

³² «Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год», Владимир, 1912, стр. 115.

³³ «Атлас. Сельское хозяйство и кустарная промышленность Владимирской губернии», текстовая часть, Ковров, 1923, стр. 24.

³⁴ «Поездные итоги...», стр. 14.

Несколько иную картину дают статистические материалы по Пензенской губернии. Здесь, как и во Владимирской губернии, увеличилась доля безлошадных дворов: в 1910 г. она составляла 31,6%, а в 1917 г. — 36,8%. Зато число однолошадных, в отличие от Владимирской губернии, уменьшилось с 48,2% до 41,3%, число двухлошадных дворов возросло с 16,2% до 17,5%, число многолошадных (с 3 и более лошадьми) не только не уменьшилось, но даже несколько возросло — с 4,0% до 4,1%. «Таким образом, — говорится в обзоре по губернии, — к году революции по расчету скота крестьянские дворы проявили тенденцию разгруппироваться на более сильные (с 2 и более лошадьми) и более слабые (с 1 лошадью и безлошадные). И число более сильных дворов увеличилось, а более слабых уменьшилось»³⁵. Другими словами, если судить по признаку обеспеченности хозяйств рабочим скотом, во Владимирской губернии более отчетливо выявилась тенденция к преимущественному выделению сельского пролетариата, а в Пензенской — к выделению из крестьян сельской буржуазии. На эту же тенденцию в Пензенской губернии указывает и изменение в распределении посевов, о чем будет сказано ниже. Одновременно с этим шел процесс ускоренного обезлошадения беднейших слоев крестьянства как обратная сторона усиления кулацкой верхушки.

Возрастание в годы войны доли хозяйств без рабочего скота можно видеть и из сравнения данных переписи 1917 г. с данными довоенных земских переписей по тем же 13 губерниям, по которым составлена таблица изменения поголовья лошадей (табл. 5).

ТАБЛИЦА 5

	До войны	1917 г.	% к довоенному уровню
Количество учтенных хозяйств (в тыс.)	3740,7	3993,4	106,8
в том числе хозяйств без рабочего скота (в тыс.)	960,6	1225,1	127,5
В % к числу наличных хозяйств	25,7	30,7	—

В годы войны произошло весьма значительное увеличение числа хозяйств, лишенных рабочего скота (с 25,7% до 30,7%). При этом из всех 13 губерний только в одной Волынской губернии число безлошадных крестьян уменьшилось, что понятно из приведенных выше объяснений по Минской губернии. По другим губерниям количество безлошадных дворов всюду возросло, причем в Тульской губернии на 80,8%, а в Уфимской — в 2,2 раза. По 36 губерниям Европейской России безлошадные в 1917 г. составляли 30,9% всех хозяйств. В юго-западном районе их было 50,2%, в южном степном — 39,4%, только в западном районе доля их составляла 15,1%.

К 1917 г. в России процесс экспроприации крестьянской бедноты зашел очень далеко. В целом по Европейской России около одной трети крестьянских хозяйств не имели рабочего скота и представляли собой в огромном большинстве хозяйства батраков и отходников. Этому в значительной мере способствовала первая мировая война.

Мы лишены возможности рассмотреть здесь вопрос об изменении обеспеченности крестьянского хозяйства сельскохозяйственными машинами и вынуждены отослать читателя к нашей статье о помещичьем хозяйстве в годы войны³⁶. Отметим только, что на крестьянском хозяйстве

³⁵ «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», ч. I, Пенза, 1922, стр. 83.

³⁶ См. «Исторические записки», т. 60, 1957.

в этом отношении мировая война сказалась более губительно, чем на помещичьем. Почти полное прекращение ввоза машин и резкое сокращение внутреннего производства их сильно осложняли положение там, где машины к началу войны получили заметное распространение в крестьянском хозяйстве. Оставшиеся на складах машины реализовались прежде всего среди помещичьих хозяйств. Им же шла и продукция действовавших заводов. Вследствие мобилизации кузнецов и отсутствия металла ремонт машин в сельских кузницах прекратился раньше, чем в помещичьих мастерских.

Во время войны особенно резко сократились поставки сельскому хозяйству простейших орудий труда крестьян — серпов и кос. При этом царское правительство проявило в этом деле исключительную беспомощность и безразличие к нуждам крестьянского хозяйства. В качестве примера этой беспомощности можно привести неудавшуюся попытку организации производства серповой стали, предпринятую отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики министерства земледелия.

С потерей либавских заводов Беккер и К⁰ в стране не осталось предприятий, изготовлявших серповую сталь. Предложение относительно налаживания производства этой стали, сделанное отделом Путиловскому заводу, акционерное общество Путиловского завода отклонило. Отдел обратился в бюро по распределению металлов Центрального военно-промышленного комитета, но и это бюро в октябре 1915 г. ответило, что оно не в силах что-либо сделать для производства серповой стали, так как заводы заняты работой на оборону³⁷.

В декабре 1915 г. правление Симского общества горных заводов согласилось принять заказ на 20 тыс. пуд. серповой мартеновской стали, но уже в январе 1916 г. отказалось от выполнения этого заказа³⁸.

Потерпев неудачу в отдельных предприятиях, отдел обратился к главному уполномоченному по снабжению металлом, который в октябре 1916 г. сообщил отделу, что его заявка отослана в департамент земледелия для включения в ведомственный заказ³⁹. Судьба этого заказа была не лучше, чем судьба прежних заказов. Двухлетние хлопоты правительственного органа ни к чему не привели, так как в этом не были заинтересованы промышленники.

В конце концов одна из шведских фирм 27 января 1917 г. сообщила о том, что согласна поставить России 150 т стали для серпов⁴⁰.

Не лучше, чем с серпами, обстояло дело с косами. В России до войны не принималось никаких мер по развитию производства кос, и они почти целиком привозились из-за границы. Заметим, что такие орудия, как плуги и бороны, с 1885 г. были обложены пошлиной в 75 коп. с пуда, а серпы и косы еще с 1724 г. облагались пошлиной, которая систематически повышалась и в 1885 г. была доведена до 1 руб. 20 коп. с пуда. На одних только серпах и косах крестьянство переплачивало в виде пошлин ежегодно около 300 тыс. руб. золотом, не считая переплат на прибыли импортеров и посредников⁴¹.

Война с Австрией, являвшейся монопольным поставщиком кос в Россию, поставила крестьянское хозяйство в весьма тяжелое положение. Потуги департамента земледелия организовать кустарное производство кос остались тщетными.

Таким образом, в годы войны произошли существенные изменения в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочей силой, рабочим скотом,

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 395, оп. 2, д. 3431, лл. 23, 24 об.

³⁸ Там же, лл. 31, 43.

³⁹ Там же, л. 56.

⁴⁰ Там же, л. 57.

⁴¹ Л. К. Шешинцев. Современное положение сельскохозяйственного машиностроения в России и меры к его развитию в связи с интересами сельского хозяйства, СПб., 1910, стр. 39.

машинами и орудиями. Все это означало подрыв материально-технической базы крестьянского хозяйства, отрицательно сказавшийся на уровне всего сельскохозяйственного производства.

* * *

Первым массовым результатом этих изменений было сокращение посевных площадей прежде всего на арендованных землях.

В связи с сокращением спроса на землю в годы войны упали арендные цены. Сокращение аренды и падение цен на землю, которую арендаторы еще продолжали арендовать, не могло не понизить доходов землевладельцев. Но главное экономическое значение этого явления нужно искать во влиянии не на помещичье, а на крестьянское хозяйство, так как в арендных отношениях землевладелец и арендатор, особенно мелкий арендатор, занимают совершенно различные, противоположные одно другому положения. В то время как арендатор является производителем продукта, играя активную роль в производстве,— земельный собственник является получателем доли этого продукта, и его активность проявляется лишь в действиях, направленных на увеличение доли продукта, изымаемого из производства. Таким образом, земельный собственник является не только лишней фигурой в процессе производства, но и сильнейшим тормозом этого производства. Поэтому понижение арендных цен на землю с точки зрения экономического и общественного прогресса было явлением положительным, как стимул к расширению производства.

Крестьяне отказывались от аренды прежде всего тех земель, которые арендовались на самых тяжелых условиях, где требовались отработки. На конкретном примере можно представить это более наглядно. Так, крестьяне деревень, расположенных в районе имения члена Государственного совета В. М. Андреевского, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, из года в год арендовали 1200 десятин земли. За каждую снятую на один посев десятину земли арендатор должен был «обработать для экономии полторы десятины земли, три раза вспахать, убрать, свезти хлеб, вывезти в поле 30 возов навоза и поставить одну подводку для отправки зерна на станцию, находящуюся от экономии на расстоянии 20 верст». Понятно, что после ряда мобилизаций людей и лошадей такие обязательства по аренде крестьяне выполнять не могли. «Ссылаясь на тяжелые условия аренды, они от дальнейшей аренды земли отказались»⁴².

Однако не все крестьяне поголовно сокращали свои посевы на арендуемой земле. Это было уделом середняков и особенно бедноты. Зажиточная часть крестьян продолжала арендовать землю и нередко расширяла аренду. Так, например, по трем волостям Полтавской губернии хозяйства с одной-двумя головами рабочего скота сократили аренду с 785 десятин в 1910 г. до 604 десятин в 1917 г., тогда как хозяйства с тремя и более головами рабочего скота увеличили аренду с 548 десятин до 1060 десятин⁴³. Снижение арендных цен означало перераспределение прибыли, возросшей в результате роста цен на хлеб, в пользу арендаторов, и кулаки, следовательно, получали с арендованной земли повышенные доходы.

Фактические отношения, конечно, далеко не всегда укладывались в рамки этой упрощенной схемы, представляя множество различных отклонений от нее, подробно разобраться в которых нет возможности вследствие почти полного отсутствия статистических данных об аренде в годы войны.

Например, нередко можно было наблюдать расширение аренды у низших групп хозяйств. Так, по пяти волостям Тульской губернии из 100 хозяйств с посевом до четырех десятин арендующих землю было в

⁴² ЦГИАМ, ф. 102, дел-во 4, 1914, д. 108 ч. 72, л. 10—10 об.

⁴³ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. II, М., 1929, стр. 54—77.

1910 г.— 18, а в 1917 г.— 28 хозяйств ⁴⁴. В условиях войны в этом явлении нет ничего удивительного, поскольку каждый, даже ранее беспосевный крестьянин, стремился хотя бы клочок земли засеять для собственных нужд прежде всего картофелем и овощами. При этом наблюдалось, как правило, измельчание аренды, т. е. уменьшение количества арендуемой земли, приходящейся на каждое арендующее хозяйство, особенно в низших группах.

В годы войны увеличилось количество земли, сдаваемой в аренду беднейшими группами крестьян ⁴⁵. Понижение арендных цен коснулось и этой категории земельных собственников, которые вследствие этого теряли значительную часть и без того небольшого дохода от сдаваемых наделов. Зато за этот счет наживались кулаки — главные арендаторы земель бедноты.

Представляется важным вопрос об удельном весе сокращения крестьянских посевов на арендованных землях в общем сокращении посевных площадей. Однако сколько-нибудь точных данных об этом нет. Для приблизительного суждения по данному предмету можно воспользоваться лишь сообщениями корреспондентов министерства земледелия. В 1916 г. министерством была издана сводка сообщений земств и местных агрономов о сокращении посевов озимых в 1915 г. ⁴⁶. Собранные мате-

ТАБЛИЦА 6

Губернии	Год довоенной переписи	Наличные хозяйства			Посевная площадь		
		до войны (в тыс.) ⁴⁷	1916 г. ⁴⁸		до войны ⁴⁹ (в тыс. десятин)	1916 ⁵⁰	
			количество (в тыс.)	%		количество (в тыс. десятин)	%
Вологодская (2 уезда)	1911	65,7	68,7	106,0	145,9	140,3	96,2
Вольнская (7 уездов)	1910	267,5	290,6	108,7	851,7	884,2	103,8
Вятская	1909—1912	540,7	591,0	109,3	3219,8	2995,3	93,0
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	35,6	38,4	108,1	124,4	108,2	86,9
Пензенская	1910	264,6	281,5	106,4	1221,9	1043,3	85,4
Полтавская	1910	451,7	475,6	105,3	2044,9	1869,2	91,4
Самарская (2 уезда)	1911—1913	101,7	112,2	110,3	727,8	674,8	92,5
Симбирская	1911	285,2	304,6	106,8	1301,1	1260,3	96,9
Тамбовская	1912	469,9	484,1	103,0	1961,8	1854,4	94,5
Тульская	1910—1912	220,4	246,0	111,6	1029,9	1043,7	101,3
Уфимская	1911	470,8	499,7	106,1	2707,2	2359,3	87,1
Харьковская (без Старобельского уезда)	1913	330,9	357,2	107,9	1499,1	1371,3	91,5
Итого ...	—	3504,7	3749,6	107,0	16835,5	15604,3	92,3
На 100 хозяйств ...	—	—	—	—	480,4	416,0	86,7

⁴⁴ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. I, Таблицы, стр. 540—799.

⁴⁵ Там же, т. II, стр. 54—76, 108—138. Данные по Тульской, Полтавской и Тверской губерниям.

⁴⁶ См. «Изменения площади посева озимых хлебов осенью 1915 г. и ожидаемый недосев яровых в 1916 г.», Пг., 1916.

⁴⁷ См. «Земские подворные переписи 1880—1913».

⁴⁸ См. «Предварительные итоги...», вып. 1.

⁴⁹ Данные о посевной площади до войны взяты из издания «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», стр. 78.

⁵⁰ См. «Предварительные итоги...», вып. 1.

риалы показывают, что сокращение посевов на арендованной земле было намного больше, чем на крестьянских наделных и на частновладельческих землях, и составляло основную часть общего сокращения посевов.

Изменения в размерах посевной площади являются одним из главных показателей уровня сельскохозяйственного производства, и рассмотрение этих изменений заслуживает особого внимания.

В таблице 6 сравниваются итоги посевных площадей по довоенным земским подворным переписям и по Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. аналогично тому, как было сделано при рассмотрении вопроса о рабочем скоте. Сравнение проведено по тем же источникам, что и в таблице 4 — об изменении поголовья лошадей.

Данные таблицы 6 показывают, что по 12 губерниям и частям губерний число наличных хозяйств к 1916 г. увеличилось по сравнению с довоенным уровнем на 244,9 тыс., или на 7,0%. В то же время площадь посевов у всех наличных хозяйств сократилась на 1231,2 тыс. десятин, или на 7,7%. На 100 хозяйств до войны приходилось 480,4 десятины, а в 1916 г. — 416,0 десятин посева, что означает сокращение на 13,4%. По отдельным губерниям это сокращение было еще более значительным. Так, например, в Пензенской губернии до войны на 1 хозяйство приходилось в среднем 4,62 десятины посевов, а в 1916 г. — 3,71 десятины, что означает уменьшение на 19,7%. Понятно, что такое сокращение нельзя не признать очень значительным.

Особенно сильным было сокращение посевов у крестьян нечерноземных губерний.

Положение дела с посевными площадями у крестьян северо-западного района выясняется благодаря весьма ценной разработке трех подворных переписей, предпринятой новгородским губернским статистическим бюро. Сравнение итогов переписи 1916 г. с итогами земского учета земель, производившегося по уездам в разное время с 1899 по 1911 г., показывает значительное уменьшение посевной площади у крестьян.

По основным культурам эти данные по 6 уездам могут быть представлены, как показано в таблице 7 (в тыс. мер высева)⁵¹.

ТАБЛИЦА 7

Культуры	По подворной земской переписи 1885—1897 гг.	По подворной земской переписи 1908—1911 гг.		По Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.		
		количество	% к 1885—1897 гг.	количество	% к 1885—1897 гг.	% к 1908—1911 гг.
Рожь	1756,8	1803,1	102,6	1487,4	84,7	82,5
Овес	4241,8	4175,2	98,4	3430,1	80,9	82,2
Ячмень	140,2	173,9	124,0	158,4	112,9	91,1
Лен	99,5	149,1	149,8	143,5	144,2	96,2
Картофель	1309,1	1524,3	116,4	2202,6	168,3	144,5

Цифры показывают, что наиболее сильно сократились посевы главных зерновых культур — ржи и овса, рост посевов которых прекратился еще до войны из-за малой доходности их производства. Однако сокращение посевов зерновых в годы войны было связано уже не с невыгодностью их производства, а, наоборот, происходило при возрастающей прибыльности их возделывания. Особенно выгодным было выращивание льна, но посевы его, быстро расширявшиеся до войны, не только не возросли, но даже сократились. Только в соседней, Псковской, губернии посевы льна были увеличены.

⁵¹ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии», стр. 17.

Значительно расширены были посевы картофеля, но это расширение далеко не могло компенсировать общего сокращения посевов ввиду малой распространенности культуры картофеля в губернии.

Сокращение посевных площадей шло параллельно с процессом разорения крестьянских хозяйств, многие из которых навсегда прекратили земледельческое производство. Это явление отчетливо характеризуется таблицей 8, составленной по данным подворных переписей аналогично таблице 6.

ТАБЛИЦА 8

Губернии	Год допознейной переписи	Число наличных хозяйств			Количество хозяйств без посева			Посевы 1916 г. в % к довоенным
		до войны (в тыс.)	1917 г.		до войны (в тыс.)	1917 г.		
			в тыс.	%		в тыс.	%	
Вологодская (2 уезда)	1911	65,7	68,3	103,9	5,3	5,5	102,7	96,2
Волинская (7 уездов)	1910	267,5	225,1	84,2	3,4	28,2	825,1	103,8
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—	35,6	42,1	115,2	2,3	3,2	139,3	86,9
Полтавская	1910	451,7	470,8	104,2	23,7	88,6	373,9	91,4
Пензенская ⁵²	1910	264,6	279,0	107,1	11,5	22,1	192,7	85,4
Самарская (2 уезда)	1911—	101,7	112,5	110,6	10,0	23,1	232,3	92,5
Симбирская	1911	285,2	308,7	106,0	31,6	41,0	129,7	96,9
Тульская	1910—	220,4	240,7	108,1	9,2	17,9	194,1	101,3
Уфимская ⁵³	1911	470,8	516,6	133,8	41,3	75,7	183,4	87,1
Итого...	—	2163,2	2263,8	104,7	138,3	305,3	220,8	86,7
В % к числу наличных хозяйств . . .	—	—	—	—	6,4	13,5	—	—

Таблица показывает резкое увеличение числа беспосевных хозяйств. В то время как до войны по рассматриваемым 9 губерниям беспосевные хозяйства составляли 6,4% наличных хозяйств, в 1917 г. без посева озимых 1916 г. и яровых 1917 г. (перепись проводилась летом 1917 г.) оказалось уже 13,5% хозяйств, т. е. в 2,1 раза больше, чем до войны, что свидетельствует об углублении классового расслоения и пролетаризации широких масс крестьянства в годы войны. Только по этим 9 губерниям, в числе которых 2 губернии представлены лишь четырьмя уездами, а Калужская одним Жиздринским уездом, число беспосевных хозяйств увеличилось на 167,0 тыс.

Как показывают сводные данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., доля беспосевных хозяйств в общем числе наличных крестьянских хозяйств была наибольшей в южном степном районе — 32%, второе место занимал южночерноземный район — 31,0%, за ним следовали нижеволжский и заволжский район — 17,9% и северо-западный район — 17,3%. Среднее положение занимают средневолжский и заволжский район — 14,2%, юго-западный район — 12,5%, западный —

⁵² Данные о беспосевных хозяйствах до войны см. «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», стр. 72, 83.

⁵³ Данные о беспосевных хозяйствах до войны взяты из сборника «Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской ССР», Уфа, 1923, стр. 70.

11,2% и промышленный — 10,9%. Наименьшее число беспосевных хозяйств было в северочерноземном и северном районах.

Эти значительные различия явились результатом сложного взаимодействия историко-экономических условий развития капитализма в российском земледелии. Решающее значение имели здесь различия в путях развития капитализма в земледелии — прусского и американского. В районах преобладания капиталистического земледелия (юг и юго-восток Европейской России) расхождение оказывается наиболее глубоким, пролетаризировавшееся или почти пролетаризировавшееся крестьянство составляет здесь значительную часть хозяйств, доходящую в южном степном районе до 32%. Здесь переход крестьянства в ряды пролетариата облегчался большим спросом на рабочую силу со стороны крупных зерновых хозяйств помещиков и кулаков, а также растущей промышленности. Ведение parcelльного хозяйства становилось менее выгодным, чем сторонние заработки.

Иное положение наблюдается в районе господства крепостнических отношений, где крестьянство было больше привязано к земле системой кабалы и отработок. В северочерноземном районе беспосевные хозяйства составляли всего лишь 8,1%. Характерно, что такая же доля беспосевных — 8,0% — насчитывалась в северном районе, что можно объяснить его потребляющим характером и стремлением крестьян к обязательному обзаведению посевами в годы войны. Это же явление, уже отмечавшееся выше, характерно и для других потребляющих районов, в частности для западного и промышленного.

Важнейшее экономическое и общественно-политическое значение в плане данной работы имеет вопрос о том, в каких группах крестьянских хозяйств концентрировались посевы во время войны.

Для южного степного района приведем следующие данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Херсонской губернии ⁵⁴ (табл. 9).

ТАБЛИЦА 9

Группы хозяйств по посеву в 1916 г.	Число хозяйств	Посев 1915 г. в дес.	Посев 1916 г. в дес.	Сокращение или увеличение	
				дес.	%
До 5 дес.	9 436	23 145	20 182	—2 963	—12,8
От 5 до 10 дес.	5 106	37 777	38 074	+297	+0,8
» 10 » 16 »	2 641	32 184	33 403	+1 219	+3,8
» 16 » 25 »	1 422	27 618	28 247	+629	+2,3
Свыше 25 »	1 225	49 954	49 691	—263	—0,5
Итого ...	19 830	170 677	169 596	—1 081	—0,6

Ясно, что наибольший урон понесли самые мелкие хозяйства, утратившие 12,8% посевов в течение одного года, тогда как часть середняцких, и особенно зажиточных хозяйств с посевом свыше 10 десятин, увеличили свои посевы. Только крупные хозяйства сократили посевы — всего на 0,5%. В целом хозяйства с посевной площадью свыше 10 десятин увеличили свои посевы с 109,6 тыс. десятин в 1915 г. до 111,2 тыс. десятин в 1916 г., т. е. на 1,4%. Факт усиления зажиточной части крестьян юга России в годы войны подтверждается и этими данными.

В Полтавской губернии посевная площадь в 1916 г. по сравнению с

⁵⁴ «Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 и 1916 годах», Херсон, 1916, стр. 12—13.

1910 г. у мелких хозяйств уменьшилась на 9,3%, тогда как у крупных (кулацких) хозяйств увеличилась на 16,6%⁵⁵.

Несколько менее выражена эта тенденция в северочерноземном районе, являвшемся переходным к потребляющей нечерноземной полосе.

Выборочные данные по Пензенской губернии показывают, что по 4 волостям процент хозяйств с посевом свыше 10 десятин всюду увеличился⁵⁶. По Тульской же губернии процент этих хозяйств снизился с 17,1% до 14,6%⁵⁷.

Для нечерноземных районов характерно некоторое снижение посевов у зажиточной части деревни и численное сокращение ее. Так, в Калязинском уезде Тверской губернии доля хозяйств, имевших в пользовании собственной и арендованной земли свыше 16 десятин, составляла (в процентах)⁵⁸:

	1912 г.	1917 г.
В Плещеевской волости	3,8	3,0
» Расловской »	3,8	2,8
» Семеновской »	12,7	11,5
» Фроловской »	4,7	4,1

Приведенные данные помогают лучше уяснить чрезвычайно важное явление, на которое указывал В. И. Ленин: «Если же мы сравним раз-
личные местности, то в одних особенно рельефно сказывается образование из крестьян сельских предпринимателей,— а в других — образование сельского пролетариата»⁵⁹.

Необходимость детального изучения этого процесса, результаты которого имели громадное общественно-политическое значение для победы Великой Октябрьской социалистической революции и упрочения власти Советов, очевидна. Но в пределах данной статьи мы вынуждены ограничиться лишь следующей таблицей относительных цифр, характеризующих распределение крестьянских хозяйств различных местностей по посевным группам.

Следует заметить, что для периода мировой войны, когда значение хлеба, как первостепенного необходимейшего продукта потребления, резко возросло, группировка хозяйств по размерам посевов (при невозможности составления комбинированных таблиц) является наиболее верным способом исследования. Это, по нашему мнению, справедливо даже для тех районов, где до войны исследователя больше удовлетворила бы, например, группировка хозяйств по количеству продуктивного скота и пр. К тому же в условиях массовых реквизиций скота и связанных с ними больших изменений поголовья группировки по рабочему или продуктивному скоту могут привести к неоправданному смешению в одних и тех же группах хозяйств разных экономических типов.

Таблица 10 характеризует, правда, с рядом отклонений и особенностей, заметно выраженную разницу в географическом распределении хозяйств зажиточного и беднейшего крестьянства. Северный Кавказ, Украина, юго-восток Европейской России были районами преобладания зажиточных слоев, тогда как нечерноземные районы характеризовались преобладанием малопосевных хозяйств рабочих с наделом. Впрочем, это характерно и для отдельных губерний Украины, представленных в таблице, в частности для Киевской губернии. Здесь 73,7% хозяйств имели не более трех десятин земли и являлись, следовательно, хозяйствами рабочих с наделом. Недалеко от Киевской губернии занимала первое место в числе губерний, поставлявших рабочих в южный степной район.

⁵⁵ «Статистический справочник Полтавской губернии на 1917 год», Полтава, 1917, стр. 59—60.

⁵⁶ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. I, стр. 39.

⁵⁷ Там же, стр. 40.

⁵⁸ Там же, т. II, стр. 142, 146.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 91.

ТАБЛИЦА

Губернии	Год переписи	Процент хозяйств			
		без посева	с посевом до 4 десятин	с посевом от 4 до 10 десятин	с посевом свыше 10 десятин
Ставропольская ⁶⁰	1916	19,9	12,5	24,8	42,8
Кубанская ⁶¹	1917	35,7	24,3	21,4	18,6
Оренбургская ⁶²	1917	10,2	26,5	36,1	27,2
Украина ⁶³	1917	16,0	52,5	18,8	12,7
Полтавская ⁶⁴	1916	14,6	35,7	34,1	15,6
Киевская ⁶⁵	1917	12,9	73,7	13,5	1,6
Уфимская ⁶⁶	1916	13,1	45,1	30,8	11,0
Вятская ⁶⁷	1917	3,3	33,3	54,0	9,4
Пензенская ⁶⁸	1917	7,7	49,8	34,3	8,2
Тульская ⁶⁹	1917	6,5	48,7	37,8	7,0
Витебская ⁷⁰	1917	7,4	58,8	30,4	3,4
Петроградская ⁷¹	1917	15,7	74,9	9,1	0,3
Костромская ⁷²	1917	11,0	74,1	14,7	0,2
Вологодская ⁷³	1917	8,9	82,6	8,4	0,1
Владимирская ⁷⁴	1917	12,9	67,2	18,9	1,0
Ярославская ⁷⁵	1917	13,9	79,0	7,1	—

Значительное сокращение посевных площадей в некоторой части компенсировалось увеличенным сбором хлебов в результате хорошего урожая 1915 г. Об урожаях в годы войны можно получить представление из таблицы 11, показывающей среднюю урожайность ржи на частновладельческих и крестьянских полях по Европейской России (в пудах с десятины) ⁷⁶.

⁶⁰ «Итоги (поволостные и поуездные) сельскохозяйственных переписей Ставропольской губ. 1916—1922», Ставрополь, 1923, стр. 24—25.

⁶¹ В. И. Смирнинский. Движение основных элементов сельскохозяйственного производства во время войны и революции, Краснодар, 1928, стр. 63, 79.

⁶² А. И. Хрящева. К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени. «Вестник статистики», 1920, № 5—8, стр. 104.

⁶³ «Підсумки вибіркового підрахунку сільсько-господарського перепису 1917 року», Харків, 1931, стр. 118; данные по 332 038 хозяйствам, т. е. 8,5% всех хозяйств, группировки: до 3 десятин, от 3 до 9 десятин и свыше 9 десятин.

В разработку включены материалы по 9 губерниям: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Бессарабской, Киевской и Волинской.

⁶⁴ М. А. Рубач. Очерки по истории аграрной революции в 1917 г. на Украине (докт. дис.), Уфа, 1943, стр. 36; группировки, как по Украине.

⁶⁵ «Статистический сборник», Киев, 1925, стр. 432. Выборочные данные по 59 642 хозяйствам; группировки, как по Украине.

⁶⁶ «Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской ССР», стр. 70.

⁶⁷ А. И. Хрящева. Указ. соч., стр. 105.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 104.

⁷⁰ Там же, стр. 105.

⁷¹ Там же.

⁷² А. И. Хрящева. Статистика посевов и степень ее точности. Критический очерк, М., 1923, стр. 20.

⁷³ Там же.

⁷⁴ «Справочник Владимирской губернии на 1923 г.», Владимир, 1923, стр. 80.

⁷⁵ А. И. Хрящева. К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени, стр. 105.

⁷⁶ Вычислена из среднеарифметических погубернских данных: см. «Сельское хозяйство России в XX веке». «Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг.». Составлен под ближайшей редакцией и руководством проф. Н. П. Огановского, М., 1923, стр. 134—144; «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», Пг., 1917, стр. 66—78; «Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923», М., 1924, стр. 128.

Как видно из таблицы, урожайность в 1915 и 1916 гг. была выше довоенной и лишь 1917 г. дал заметное снижение урожая. Но при этом необходимо иметь в виду, что увеличенные урожаи зерна собирались преимущественно в крупных кулацких, а также в помещичьих хозяйствах,

ТАБЛИЦА 11

Годы	Число учтен- ных губерний	Средняя урожайность ржи (в пудах с десятины)	
		у частных владельцев	у крестьян
1912—1914	46	70	58
1915	44	88	72
1916	31	76	63
1917	—	—	45,5

тогда как беднота вследствие ухудшения обработки почвы не могла рассчитывать на заметный рост урожая. Основные запасы товарного зерна концентрировало у себя кулачество, к которому беднота шла за хлебом, одалживая его на кабальных условиях.

Представление об этом дают следующие данные самарского земства за 1915 г.

Из всех сообщений земских корреспондентов 48,2% содержали указания на то, что крестьянам хлеба до весны не хватило. При этом 25,1% корреспондентов сообщали, что хлеба не хватило половине и более домохозяев. 55,6% корреспондентов сообщали, что крестьяне хлеб покупали, а 44,4% — что крестьяне брали хлеб в долг и за отработки. При этом обязывались приплачивать к рыночной цене деньгами от 5 до 50 коп. за пуд (т. е. приблизительно от 5 до 50% стоимости) или даже хлебом до 10 фунтов за пуд⁷⁷.

Эти данные, между прочим, являются одним из бесспорных опровержений вымыслов буржуазно-помещичьей прессы того времени о якобы значительном «обогащении деревни», в годы войны, о чем подробнее будет сказано ниже.

Приведенные выше сведения о посевных площадях и урожайности в годы войны могут дать некоторое представление и о валовых сборах хлебов в крестьянских хозяйствах. Подробное же изложение вопроса о валовых сборах, хлебном балансе и товарности крестьянского хозяйства составляет предмет специального исследования.

* * *

Следующее после земледелия место в крестьянском хозяйстве занимало животноводство. К сожалению, изменения в животноводстве отражаются статистическими источниками менее полно, чем в земледелии.

Для 1916 и 1917 гг. поголовье скота довольно подробно характеризуется сельскохозяйственными переписями, но отсутствие подобных данных для довоенного периода исключает возможность широких научно обоснованных сравнений. Данные о поголовье скота, составлявшиеся по сведениям полиции и волостных правлений центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел, как правило, намного заниженные, не могут служить для этой цели. Поэтому приходится ограничиться материалами только тех губерний, где в предвоенные годы были проведены земские подворные переписи.

⁷⁷ «Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1915 год», изд. 2, исправленное, Самара, 1919, стр. 222—224.

Таблица 12 показывает изменения поголовья коров в 13 губерниях Европейской России.

Таким образом, в то время как число наличных крестьянских хозяйств по сравнению с довоенным уровнем увеличилось по 13 губерниям на 7,4 %, количество коров уменьшилось на 4,2%. В расчете же на 100 хозяйств это сокращение еще больше — 10,8%.

ТАБЛИЦА 12

Губернии	Год довоенной переписи	Число наличных хозяйств			Количество коров		
		до войны в тыс.	1916 г. ⁸⁸		до войны в тыс. голов	1916 г. ⁸⁸	
			в тыс.	%		в тыс. голов	%
Вологодская (2 уезда) ⁷⁸	1911	65,7	69,7	106,0	117,3	102,3	87,2
Волинская (7 уездов) ⁷⁹	1910	267,5	290,7	108,7	368,4	329,8	89,5
Вятская ⁸⁰	1909—1912	540,7	591,0	109,3	810,3	800,3	98,8
Калужская (Жиздринский уезд) ⁷⁸	1910—1911	35,6	38,4	108,1	44,4	44,2	99,7
Новгородская ⁸¹	1913	231,0	263,3	114,0	452,8	418,3	92,4
Пензенская ⁷⁸	1910	264,6	281,5	106,4	238,4	227,5	95,4
Полтавская ⁷⁸	1910	451,7	475,6	105,3	302,6	353,9	116,9
Самарская (2 уезда) ⁷⁸	1911—1913	101,7	112,2	110,3	117,7	119,4	101,5
Симбирская ⁷⁸	1911	285,2	304,6	106,8	244,8	244,5	99,8
Тамбовская ⁸²	1912	469,9	484,1	103,0	410,5	402,5	98,1
Тульская ⁷⁸	1910—1912	220,4	246,0	111,6	185,7	190,1	102,4
Уфимская ⁷⁸	1911	470,8	499,7	106,1	672,3	580,2	86,3
Харьковская (без одного уезда) ⁷⁸	1913	330,9	357,2	107,9	287,4	261,6	91,0
Итого ...	—	3735,7	4014,0	107,4	4252,6	4074,6	95,8
На 100 хозяйств ...	—	—	—	—	113,8	101,5	89,3

Характерно, что значительное уменьшение наблюдалось в Кадниковском и Велико-Устюжском уездах Вологодской губернии, представлявших район молочного скотоводства. Сокращение поголовья коров в этом районе необходимо особенно подчеркнуть. Оно было одной из важнейших причин острого недостатка масла в городах, поскольку сибирское масло целиком шло на армию.

Три губернии дали увеличение поголовья коров: Тульская, Самарская и особенно Полтавская. Это увеличение для Тульской и Полтавской губерний можно объяснить, кроме приплода, пригоном скота беженцев и оставлением на прокорм крестьянам закупленного для армии скота, который также мог быть учтен при переписи.

Представление о сокращении поголовья коров в различных группах крестьянских хозяйств дает таблица 13 (в процентах к общему числу хозяйств).

Приведенные цифры показывают резкое увеличение доли бескоровных хозяйств в районе молочного животноводства — в Ярославской и Новго-

⁷⁸ См. «Земские подворные переписи 1880—1913».
⁷⁹ «Материалы подворной переписи Волинской губернии 1910 года», Житомир, 1914, стр. 214—240.
⁸⁰ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии», стр. 179, 182.
⁸¹ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Новгородской губернии», стр. 144.
⁸² «Материалы подворного обследования животноводства Тамбовской губернии», Приложение 1.
⁸³ См. «Предварительные итоги...», вып. 1.

Группы хозяйств	Новгородская губ. ⁸⁴		Ярославская губ. ⁸⁵		Пензенская губ. ⁸⁶	
	1913 г.	1916 г.	1912 г.	1916 г.	1910 г.	1917 г.
Без коров	11,3	16,2	15,5	22,3	23,6	20,7
С 1 коровой	29,0	34,7	46,4	54,4	65,0	70,6
» 2 коровами	31,2	31,0	28,8	18,8	9,7	7,7
» 3 и более	28,5	18,1	9,3	4,5	1,7	1,0

родской губерниях, что свидетельствует о росте нищеты в деревне в годы мировой войны. Решающую роль в этом сыграла утрата доходов от «промыслов» и связанная с этим невозможность содержать корову в условиях растущей дороговизны кормов. В Пензенской губернии число бескоровных хозяйств несколько снизилось, хотя доля их в общем числе хозяйств оставалась здесь очень высокой, составляя в 1917 г. 20,7%.

Таблица показывает также рост числа однокоровных хозяйств и уменьшение процента двухкоровных и многокоровных хозяйств. Это явление было связано прежде всего с освобождением однокоровных хозяйств от реквизиции.

В изменениях поголовья коров особенно заметно проявился процесс натурализации хозяйства, состоявший в уменьшении числа коров в хозяйствах зажиточной части крестьян указанных губерний, т. е. в наиболее товарных хозяйствах, а также в стремлении отхожих рабочих и бедноты во что бы то ни стало обзавестись на время войны коровой и удержать ее для нужд семьи. Между тем последнее далеко не всем удалось, как это видно из таблицы 14 ⁸⁷.

В Вологодской, Вятской, Пензенской, Симбирской и Уфимской, т. е. в 5 губерниях из 12, некоторой части беднейшего крестьянства удалось увеличить число коров. Это, по-видимому, в известной мере было связано с выдачей пособий семьям мобилизованных, пока с ростом дороговизны эти пособия не подверглись обесценению, как это будет показано ниже. В остальных же губерниях рост числа бескоровных хозяйств превышал рост числа всех хозяйств. Так, в 5 уездах Минской губернии число хозяйств без коров увеличилось в 3,7 раза, в Тамбовской — в 1,9 раза, т. е. почти удвоилось, в Новгородской — в 1,5 раза и т. д. В целом по всем 12 губерниям общее число наличных хозяйств возросло на 12,4%, а число хозяйств, лишенных коров, на 17,8%. В то время как бескоровные хозяйства до войны составляли в этих губерниях 20,9% — в 1917 г. они составляли 21,9%.

Вообще же в России процент бескоровных крестьянских хозяйств в 1917 г. был очень высок. Как показывают данные переписи 1917 г., в Европейской России такие хозяйства составляли 22,8%. Почти четвертая часть крестьян не имела дойных коров. Наибольшее число бескоровных насчитывалось среди крестьян южночерноземного района (в Воронежской, Харьковской губерниях) — 37,6%, за которым следовали районы юго-западный — 36,5%, южный степной — 34,8%, нижеволжский и заволжский — 21,7%, северочерноземный — 21,6%. Только в 5 районах

⁸⁴ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Новгородской губернии», стр. 86—145.

⁸⁵ М. Гуревич. Историко-статистический сборник по Ярославскому краю, Ярославль, 1922, стр. 91.

⁸⁶ «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», стр. 83.

⁸⁷ Довоенные данные взяты по тем же источникам, что и данные таблицы изменения поголовья скота. Данные за 1917 г. взяты по итогам переписи 1917 г. (См. «По-уездные итоги...»). Губернии, не входившие в указанную таблицу, отмечены отдельными подстрочными примечаниями.

ТАБЛИЦА 14

Губернии	Год военной переписи	Число хозяйств			Число хозяйств без коров		
		до войны в тыс.	1917 г. в тыс.	%	до войны в тыс.	1917 г. в тыс.	%
Вологодская (2 уезда)	1911	65,7	68,3	103,9	8,5	8,6	102,1
Вятская	1909—1912	540,7	557,7	103,1	81,5	64,2	78,8
Минская (5 уездов) ⁸⁸	1915	147,8	185,3	125,4	4,8	17,8	371,1
Новгородская	1913	231,0	261,3	113,1	26,2	38,6	147,5
Пензенская	1910	260,4	279,0	107,1	62,7	64,4	102,7
Самарская (2 уезда)	1911—1913	114,0	112,5	93,7	19,7	28,1	142,9
Симбирская	1911	291,4	308,7	106,0	78,9	74,3	94,3
Тамбовская	1912	469,9	527,5	112,2	116,3	137,2	118,0
Тульская	1910—1912	222,6	240,7	108,1	26,4	49,5	187,4
Уфимская	1911	386,1	516,5	133,8	116,0	132,5	114,2
Харьковская (10 уездов)	1913	335,6	383,1	114,2	110,2	149,6	135,7
Ярославская	1912 ⁸⁹	178,9	206,5	115,4	27,8	35,2	126,4
Итого ...	—	3244,1	3647,1	112,4	678,9	800,0	117,8
На 100 хозяйств приходилось хозяйств без коров ...	—	—	—	—	20,9	21,9	—

доля бескровных была ниже 20%: в промышленном — 18,0%, в средневолжском и заволжском — 17,8%, в северо-западном — 17,8%, в северном — 11,5%, в западном — 9,0%.

Изменения в общем поголовье рогатого скота видны из таблицы 15⁹⁰.

ТАБЛИЦА 15

Губернии	Прирост числа хозяйств в %	Поголовье рогатого скота (в переводе на крупный рогатый скот) ⁹¹		
		до войны в тыс. штук	1916 г. в тыс. штук	1916 г. в % к довоенному уровню
Вологодская (2 уезда)	106,0	144,0	132,2	91,8
Волынская (7 уездов)	108,7	526,7	475,3	90,2
Калужская (1 уезд)	108,1	56,4	55,6	98,4
Полтавская	105,3	567,3	615,8	108,6
Самарская (2 уезда)	110,3	152,8	166,8	109,2
Симбирская	106,8	318,2	323,3	101,6
Тверская (7 уездов)	106,0	287,7	249,9	86,9
Тульская	111,6	256,5	255,9	99,8
Уфимская	106,1	889,6	833,8	93,7
Харьковская (10 уездов)	107,9	537,5	462,7	86,1
Итого ...	107,3	3736,7	3571,3	96,6
На 100 хозяйств ...	—	156,0	139,0	89,1

⁸⁸ «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.», стр. 38—42.

⁸⁹ М. Гуревич. Указ, справ., стр. 90.

⁹⁰ См. «Земские подворные переписи 1880—1913»; «Предварительные итоги...», вып. 1.

⁹¹ К одной голове крупного рогатого скота приравнивались 2 нетели или подтелка (свыше 1 года) и 4 теленка до 1 года.

Итак, «масса» рогатого скота увеличилась лишь в трех губерниях: Самарской (2 уезда), Полтавской и Симбирской, причем в последней незначительно. В остальных семи губерниях зафиксировано абсолютное уменьшение количества рабочего скота до 95,6%, а во всех 10 губерниях — до 96,6% довоенного уровня, причем в Тверской губернии оно снизилось до 86,9%, а в Харьковской — до 86,1%.

Еще более значительным оказывается уменьшение количества скота в расчете на хозяйство — с 1,56 штуки до войны до 1,39 штуки в 1916 г.

В годы войны в структуре стад произошло резкое изменение: снизилось количество коров и быков и повысилось количество молодняка. В то время как поголовье коров упало до 95,8%, поголовье телят старше 1 года увеличилось на 3,5%, а телят до 1 года — на 15,3%. Количество телят старше 1 года осталось в основном на довоенном уровне и даже несколько увеличилось, но из этого скота ремонтный молодняк, т. е. нетели и бычки, чаще всего подвергались реквизициям и поэтому не обеспечивалось даже простое воспроизведение стада. Если же учесть, что дойные коровы тоже подвергались реквизиции, то убыль числа коров станет особенно понятной. Чтобы компенсировать эту убыль, надо было держать не просто нормальное количество молодняка, но увеличенное на сумму реквизиций коров и самого молодняка, что требовало увеличенных расходов рабочей силы и кормов. При этом не было никакой гарантии, что выращенная нетель не будет реквизирована. Отсюда — упорная борьба бедноты и середняков против реквизиций.

Для кулацких хозяйств было характерно содержание молодняка для продажи скота или мяса по спекулятивным ценам. В этих целях они не останавливались и перед сокращением числа коров, предпочитая производство мяса производству молока.

Овцеводство в крестьянских хозяйствах носило почти исключительно потребительский характер, играя крайне незначительную роль в торговом мясном балансе. Во время войны из числа рассматриваемых губерний поголовье овец резко сократилось в прифронтовой Волынской губернии, а также в Вологодской, Тверской и Тульской губерниях. Несколько увеличилось поголовье овец у крестьян Жиздринского уезда, Калужской губернии, в Самарской, Полтавской и Симбирской губерниях.

Слабость российского животноводства особенно резко выражалась в крайней неразвитости свиноводства. В годы войны свиноводство понесло особенно сильный урон. Из десяти рассматриваемых губерний поголовье свиней сократилось в 8 губерниях, причем в Вологодской — в 6 раз, в Тверской — в 17 раз, в Тульской — в 11 раз, в Симбирской — в 7 раз и т. д. Только в Уфимской и Волынской губерниях наблюдалось увеличение поголовья свиней. Упадок крестьянского свиноводства сыграл свою роль в усилении недостатка мяса в стране.

* * *

Буржуазные экономисты потратили немало усилий на доказательство того, что материальное положение русского крестьянства в годы первой мировой войны не только не ухудшилось, но, наоборот, заметно поправилось, доходы его повысились, улучшилось питание и т. д. Например, один из них, проф. В. Н. Твердохлебов, в начале 1917 г. писал, что будто бы «в эти годы величайшего разорения население потребляет и расходует больше, чем в мирное время, бюджеты большей части населения возросли...»⁹². Целью подобных писаний в годы войны было «обоснование» возможности дальнейшего усиления налогового бремени и переложение наибольшего числа военных тягот на крестьянство.

⁹² «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 4, стр. 143.

Убеждение в том, что крестьянство богатело во время войны, держалось и в советской историко-экономической литературе, особенно в ее первые годы. Так, Н. А. Данилов в лекциях, читанных в Военно-инженерной академии в 1920—1921 гг., утверждал что «влияние роста цен на продукты деревни не только оказалось благотворным для крестьянства хлеботорговых губерний, но буквально озолотило его и позволило ему совершенно не считаться с ростом цен на изделия фабрично-заводской промышленности»⁹³.

Сторонники этого взгляда ссылались прежде всего на экономию денег, образовавшуюся у крестьян вследствие запрещения продажи водки, а также на пособия семьям мобилизованных в армию (так называемые «пайки»). Более того, в доходы крестьян зачислялось даже денежное вознаграждение за реквизируемых лошадей, коров, повозки, полушубки и прочие предметы. Этой схемы не избежал и П. И. Ляшенко, в одной из работ которого без всяких оговорок приводятся цифры дополнительных «доходов» крестьян в первые два года войны: вознаграждения за поставку для армии лошадей и повозок — 450 млн. руб., пособия семьям запасных — 925 млн. руб. и экономия от прекращения питей 540—560 млн. руб.⁹⁴ При этом считается, что новые «доходы» определили повышение благосостояния крестьянства по сравнению с довоенным уровнем.

В основе этих воззрений лежали следующие ошибочные представления: во-первых, взгляд на крестьянство, как на однородную по хозяйственной состоятельности массу; во-вторых, механическое перенесение суммы сократившегося расхода на водку в доход; в-третьих, необоснованное допущение, что все выплаченное казной за лошадей, повозки и т. д. соответствовало их стоимости и полностью дошло до крестьянина, в-четвертых, учет только новых доходов, без связи с судьбой старых и с расходной частью крестьянского бюджета.

Первая ошибка наиболее отчетливо выразилась в следующем утверждении одного из руководителей местных органов советской статистики — В. А. Феофарова в предисловии к «Обзору сельского хозяйства Псковской губернии в 1924 и 1925 гг.»: «Крестьянство в целом, как особый класс, является одновременно и самостоятельным производителем продуктов сельского хозяйства и продавцом рабочей силы. Поэтому оно выигрывало и от повышения цен на сельскохозяйственные продукты и от цен на рабочие руки. В то же время его нужда в деньгах чрезвычайно сократилась (прекращение продажи спиртных напитков, земские и государственные налоговые льготы и т. д.), а денежность его возросла (казенные и земские пособия и т. д.)»⁹⁵.

Нет нужды подробно доказывать несостоятельность такого суждения о доходах и расходах крестьян. Достаточно сказать, что производители сельскохозяйственных продуктов для рынка и продавцы рабочей силы не одни и те же лица, поскольку последние, продавая рабочую силу, покупают продукты у первых, и дело идет, следовательно, о разных карманах. Рост цен на хлеб, дороговизна хлеба били по большинству крестьянства, являвшемуся покупателем его, тогда как рост цен на рабочие руки не поспевал за ростом товарных цен.

Что же касается экономии вследствие запрещения торговли водкой, то из довоенного расхода крестьян на водку можно было зачислить в доход им только ту часть, которую ранее расходовало на эту цель остав-

⁹³ Н. А. Данилов. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России, Пг., 1922, стр. 50.

⁹⁴ П. И. Ляшенко. Экономические предпосылки 1917 года. Сб. «Аграрная революция», т. II, М., 1928, стр. 46.

⁹⁵ См. А. В. Игнатъев. Состояние сельского хозяйства Псковской губернии в 1924 и 1925 гг. по сравнению с предреволюционным временем, Псков, 1926, стр. 22, Предисловие В. А. Феофарова.

шея в деревне население. А это были главным образом старики, женщины и дети. К тому же с запрещением водки потребление крепких напитков далеко не прекратилось. Только расходы на них шли теперь не в казну, а самогонщикам, продавцам суррогатов, спекулянтам и пр.

Реквизиция как способ изъятия у населения необходимых государству материальных ценностей в своей основе содержала не эквивалентный обмен, так как эквивалентный обмен, как правило, исключает принудительные меры, побуждающие к обмену.

Выше уже было показано, что реквизиция лошадей к началу 1916 г. приносила крестьянам лишь убыток, так как другую лошадь можно было купить по цене, вдвое превышавшей полученную при реквизиции плату.

Понятно, что реквизиции при таких условиях вызывали крайнее возмущение крестьян. «Уже и теперь бывают случаи,—сообщал председатель Заславской реквизиционной комиссии Минской губернии,—сопротивления населения реквизирующим фураж военным частям, встречают их вилами у своих ворот, и в Бестайской вол. ... бывали случаи, что пришлось связывать людей»⁹⁶.

Следовательно, реквизиции не могли быть и не являлись источником дохода крестьянства. Превращение необходимейших в хозяйстве вещей в обесценивающиеся ассигнации являлось не доходом, а тяжелой, невозместимой потерей, явным убытком.

Нельзя не признать известного положительного значения для крестьянского хозяйства выдававшихся семьям запасных, призванных на войну, пайков, т. е. продовольственных пособий, особенно в первый период войны, когда еще не сильно сказывалось влияние дороговизны. Размеры этих пособий в сельских местностях империи видны из следующих цифр⁹⁷.

ТАБЛИЦА 16

	Число мобилизованных к концу периода (в млн. человек)	Выплачено пособий (в тыс.руб.)
Выплачено по первое января 1915 г.	6,52	82,044
С 1 января по 1 декабря 1915 г.	11,47	449,861
С 1 декабря 1915 г. по 1 декабря 1916 г.	14,24	815,707
С 1 декабря 1916 г. по 1 марта 1917 г.	15,03	294,975
Итого . . .	—	1642,587

Таблица показывает, что за два с половиной года войны сумма пособий, полученных деревней, превысила полтора миллиарда рублей. Однако внушительный вид приведенных цифр сразу тускнеет, как только мы переходим к оценке реального значения выплачиваемых пособий. Размер месячного пайка в сравнении с ростом товарных цен выглядит таким образом (табл. 17)⁹⁸.

При росте среднего размера пособия на одну треть товарные цены выросли в пять с лишним раз, и хотя в хлебопроизводящих районах рост товарных цен был ниже указанного, а пособия имели для деревни не такое первостепенное значение, как для городских рабочих семей, рез-

⁹⁶ «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)», т. III, Минск, 1953, стр. 829.

⁹⁷ «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», стр. 51.

⁹⁸ Там же, стр. 50.

кое отставание роста размеров пособия от роста товарных цен тяжело отражалось на положении крестьянских семей.

Так, вкратце, обстояло дело с доходами временного порядка, порожденными войной.

Не остались неизменными и постоянные доходы крестьянского хозяйства от реализации продукции сельского хозяйства, от промыслов, заработков и др.

ТАБЛИЦА 17

	Размер месячного пайка		Рост товарных цен в % **
	руб.	%	
На 1 января 1915 г.	3,0	100	100
» 1 декабря 1915 г.	3,40	113	135
» 1 декабря 1916 г.	3,85	128	368
» 1 марта 1917 г.	4,08	136	514

Первая мировая война произвела огромные изменения в промысловой деятельности крестьянского населения, резко понизив доходы от местных и отхожих промыслов и заработков вне своего хозяйства.

Земская и официальная статистика все эти виды деятельности объединяла под рубрикой «промыслы», и, следовательно, все неземледельческие занятия в своем хозяйстве или вне его, а также земледельческие работы по найму считались «промыслами». В числе промышленников оказывались как владельцы промышленных и торговых предприятий, так и наемные рабочие и служащие, даже нищие.

Начавшаяся мировая война поставила под ружье миллионы людей, оторвав их от мирных занятий. При этом область крестьянских внаемных заработков оказалась пораженной, как никакая другая область хозяйственной деятельности в стране. К сожалению, этот крупнейшего значения факт не только не был в достаточной мере оценен в историко-экономической литературе, но иногда даже вовсе не упоминался ¹⁰⁰.

Не рассматривая всей проблемы «промыслов», мы делаем попытку выяснить изменения в размерах промысловой деятельности крестьян и доходах от нее в годы войны.

Довоенные земские переписи дают для решения этого вопроса материал о числе хозяйств с «промыслами» и о числе «промышленников». Такие же сведения были собраны Всероссийской переписью 1917 г., что дает возможность сравнить их с довоенными. К сожалению, эти последние относятся большей частью ко времени, далеко отстоявшему от начала мировой войны, и поэтому требуется установить, насколько они пригодны для предполагаемого сравнения.

Выборочные материалы показывают, что до войны «промыслы» в крестьянском хозяйстве если не возрастали, то во всяком случае и не утрачивали своего значения. Поэтому возможно использование не только данных за годы, ближайшие к началу войны, но и за более ранние.

В итоге получены сравнимые данные по 17 губерниям Европейской России ¹⁰¹.

Этими губерниями представлены почти все районы Европейской Рос-

⁹⁹ Рост цен рассчитан путем интерполяции индексов, указанных в работе А. Д. Гусак о в а. Денежное обращение дореволюционной России, М., 1934, стр. 63. Данные по Московской губернии.

¹⁰⁰ См., напр., Н. В. С и м о н о в. Указ. соч. «Вопросы истории», 1955, № 3.

¹⁰¹ См. «Земские подворные переписи 1880—1913»; «Поуездные итоги...».

сии, а самый «промысловый» — промышленный район представлен четырьмя губерниями. Это дает основание, мирясь с некоторой условностью и неточностью, сделать расчет по всей стране, распространив процент хозяйств с «промыслами» по губерниям, по которым имеются сведения, на другие губернии данного района ¹⁰².

Результат произведенных расчетов выражается таблицей 18.

Как показывает эта таблица, до войны доходами от внеадельных заработков пользовалось в России больше половины крестьянских хозяйств. 10,6 млн. хозяйств из 18,8 млн., т. е. 57,9% хозяйств, не могли обходиться без дополнительных доходов. К 1917 г. число хозяйств с «промыслами» сократилось до 4,5 млн., что составило только 24,8% числа наличных хозяйств, т. е. уменьшилось в 2,4 раза.

ТАБЛИЦА 18

Районы	Число губерний	В 1917 г.					
		число наличных хозяйств (тыс.)	из них «с промыслами»		число наличных хозяйств (тыс.)	из них с «промыслами»	
			число (тыс.)	%		число (тыс.)	%
Северный	3	428,2	357,3	83,7	423,8	110,2	26,0
Северо-западный	3	594,0	524,8	88,4	607,0	233,8	38,5
Западный	3	750,7	454,8	60,6	635,6	84,6	13,3
Промышленный	6	1532,9	1235,2	80,6	1494,8	613,7	41,1
Средневожский и Заволжский	4	1888,5	1397,8	74,0	1497,8	414,1	27,7
Северочерноземный	7	2409,9	1549,6	64,3	2475,1	662,8	26,8
Южночерноземный	3	1375,4	975,3	70,9	1332,9	369,3	27,9
Кюго-западный	3	1516,5	918,7	60,6	1374,4	382,9	27,6
Кюжный степной	5	2015,9	759,3	37,7	1969,9	569,1	28,9
Нижнезаволжский и Заволжский	7	2693,6	1039,1	38,6	2578,7	397,2	15,4
По Европейской России ...	44	15205,6	9211,9	60,6	14423,0	3837,7	26,6
Кавказ, Степной край, Сибирь и Дальний Восток		3580,5	1434,0	40,1	3580,5	632,4	17,6
Всего . . .		18786,1	10645,9	57,9	18003,5	4470,1	24,8

Представляется крайне важным определить сумму заработков, которых лишилось крестьянство в результате этого сокращения. Для этого необходимо знать размер доходов, приносимых крестьянству «промыслами». К сожалению, экономическая статистика оставила крайне скудные сведения для выяснения вопроса. Из обнаруженных сведений выяснено, что заработки от «промыслов» на одно хозяйство составляли в ценах 1913 г.,

¹⁰² Число наличных хозяйств взято для ряда губерний не по устаревшим данным земских переписей, а по переписи 1916 г. В сравнение не вошли занятые противником все три губернии Прибалтийского района, а также три губернии Западного района — Виленская, Ковенская и Гродненская. Витебская губерния вошла частично (7 уездов). Так как для этого района не имелось довоенных данных о «промыслах», для него процент хозяйств с «промыслами» до войны принят равным среднему по Европейской России.

Несколько сложнее расчет по Кавказу, Степному краю, Сибири и Дальнему Востоку. Здесь процент хозяйств с «промыслами» по переписи 1917 г. на 8,95% ниже, чем по Европейской России. Соответственно этому принят и более низкий довоенный процент хозяйств с «промыслами» в этих районах.

рассчитанных по индексу товарных цен, приведенному у П. И. Лященко ¹⁰³:

	Руб. коп.				Руб. коп.	
В Архангельской губернии	106	63 ¹⁰⁴	В Тульской губернии	144	27 ¹⁰⁹	
» Петроградской »	368	28 ¹⁰⁵	» Симбирской »	107	64 ¹¹⁰	
» Витебской »	140	09 ¹⁰⁶	» Иркутской »	62	90 ¹¹¹	
» Новгородской »	179	42 ¹⁰⁷	» Курской »	225	22 ¹¹²	
» Харьковской »	90	78 ¹⁰⁸				

Отдавая себе полный отчет в крайней недостаточности и неточности собранных сведений, мы тем не менее нашли возможным принять их для расчета суммы дохода крестьян от «промыслов», считая эту сумму только первым приближением к действительной сумме этого дохода.

Расчет сделан по 10 районам Европейской России, а также по Кавказу, Степному краю, Сибири и Дальнему Востоку, причем в 4 районах, где нет

ТАБЛИЦА 19

Районы	До войны			Уменьшение к 1917 г.	
	число хозяйств с «промыслами» (в тыс.)	заработок на хозяйств-во (в руб.)	Сумма дохода (в тыс.руб.)	число хозяйств (в тыс.)	сумма дохода (в тыс. руб.)
Северный	357,3	106,63	38098,4	247,1	26351,7
Северо-западный	524,8	241,94	126978,6	291,0	70407,9
Западный	454,8	95,30	43340,2	370,2	35278,4
Промышленный	1235,2	136,52	168633,1	621,5	8449,8
Средневожский и Заволжский	1397,8	136,52	190833,5	983,7	133312,8
Северочерноземный	1549,6	168,26	260735,7	886,8	149208,3
Южночерноземный	975,3	90,78	88534,3	606,0	55013,1
Юго-западный	918,7	136,52	125422,7	535,8	73145,2
Южный степной	759,3	136,52	103660,0	190,2	25966,8
Нижевожский и Заволжский	1039,1	107,64	111844,3	641,9	69094,7
По Европейской России ...	9211,9	136,52	1258080,8	5374,2	722628,7
Кавказ, Степной край, Си- бирь и Дальний Восток	1434,0	62,90	90198,6	801,6	56710,4
Всего ...	10645,9	126,64	1348279,4	6175,8	779339,1

¹⁰³ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 414—415.
¹⁰⁴ «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы», Архангельск, 1925, стр. 468—473 (среднее по разным промыслам).
¹⁰⁵ См. «Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии», выписки по уездам. СПб., 1908—1914.
¹⁰⁶ «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)», т. III, стр. 185.
¹⁰⁷ «Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии», Новгород, 1917, стр. 49.
¹⁰⁸ «Бюджеты крестьян Старобельского уезда», Харьков, 1915, Таблицы, стр. 21. Заработок одного промышленника умножен на число промышленников, приходившихся на одно хозяйство в среднем по Европейской России и равное 1,674.
¹⁰⁹ «Продовольствие крестьянского населения Тульской губернии», Тула, 1917, Таблицы, стр. 7.
¹¹⁰ «Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губернии», Симбирск, 1916, стр. 149.
¹¹¹ «Материалы Иркутского губернского статистического бюро», вып. 3, Иркутск, 1921, стр. 23.
¹¹² «Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Кур-ской губернии», Сост. А. И. Шахназаров, СПб., 1911, стр. 60.

данных о доходах от «промыслов» ни по одной губернии, принята средняя сумма, вычисленная по остальным шести районам. Нельзя не отметить, что нет данных о сумме доходов по промышленному району, где заработки были, по-видимому, наиболее высокими. Поэтому вычисленную сумму дохода следует считать скорее заниженной, чем завышенной.

Таблица 19 показывает, что за годы мировой войны лишились дохода от промыслов 6,2 млн. крестьянских хозяйств, которые до войны получали этих доходов около 800 млн. руб. Особенно тяжело это должно было отразиться на положении крестьянских хозяйств нечерноземной полосы, где до войны из 5,2 млн. хозяйств занимались «промыслами» 4,0 млн., или 76,4% хозяйств. До войны они получали от «промыслов» 568 млн. руб., а к 1917 г. эта сумма уменьшилась на 350 млн. руб.

Не остались неизменными и доходы тех хозяйств, где «промыслы» сохранились и в годы войны. Дело в том, что в числе «промышленников» до войны в подавляющем большинстве были мужчины, а в годы войны сильно возросла доля женщин, которым, как известно, за равный с мужчинами труд платили значительно меньше. Женщины и в сторонних заработках в значительной мере заменили мужчин, хотя это было связано с большим ущербом для домашнего хозяйства и для детей. Например, в Чистопольском уезде, Казанской губернии в первый год войны отход крестьян на заработки даже не уменьшился, так как, по сообщению податного инспектора, неурожай 1914 г. и мобилизация мужчин заставили крестьян идти «на сторонние заработки, на которые и шли, повинувшись судьбе, преимущественно женщины»¹¹³.

Изменилось и число промышленников, приходившееся на одно хозяйство с «промыслами». Подсчеты показывают, что до войны на каждую тысячу таких хозяйств приходилось 167 «промышленников», а в 1917 г.— 141. Оказывается, что это уменьшение равносильно тому, как если бы лишились неземледельческого заработка 539,2 тыс. хозяйств, что при среднем заработке на хозяйство в 126 руб. 64 коп. дает сумму 68,3 млн. руб. На нее следовало бы увеличить вычисленную выше сумму сокращения дохода от «промыслов», которая в этом случае составляет 847,6 млн. руб.

В годы войны изменилось участие различных по типу крестьянских хозяйств в «промысловой» деятельности. Торговые, мукомольные и другие предприятия кулаков в годы войны приносили их владельцам повышенные прибыли, тогда как у бедноты в связи с тем, что сократились работы по найму, доход резко упал. Более того, зажиточная часть деревни сама потянулась к «промыслам», нанимаясь на предприятия, работающие на войну, а также на железные дороги, в санитарные поезда и дружины Земгора, в общем, в любое место, где можно было получить освобождение от призыва в действующую армию. Начальник тамбовского губернского жандармского управления, например, доносил, что в селе Рассказове зажиточные люди поступают на суконные фабрики простыми рабочими: Г. Мироедов, имевший две лавки, М. Поленин, владелец кожевенного предприятия, зажиточные крестьяне В. и Д. Плаксины, торговцы М. Ячменинов и М. Иванов, владелец мельницы И. Казаков. «Некоторые из этих лиц,— говорится в донесении,— только числятся в списках фабричных контор, на работу же вовсе не выходят.

Все это вызвало среди населения села Рассказова большое недовольство, особенно среди тех обывателей села, у которых сыновья или мужья взяты на войну»¹¹⁴.

Симбирский губернатор в марте 1916 г. писал в департамент полиции: «Не редки стали случаи, что многие лица из интеллигенции... стараются так или иначе избежать военной службы... С этой целью они меняют служ-

¹¹³ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 2358, л. 96.

¹¹⁴ ЦГИАМ, ф. 102, дел-во, 4, 1914, д. 141, ч. 72, л. 18 об.

бу и поступают на железную дорогу или на пароходы. Такая же уловка наблюдается и среди зажиточного крестьянства»¹¹⁵.

До войны доля зажиточного крестьянства в доходах от промыслов была в разных губерниях различной. Так, в Новгородской губернии торговля и торгово-промышленные заведения давали 7,7% всего дохода от «промыслов». В Новолодожском уезде Петроградской губернии из 44 218 промышленников было 2090 торговцев, т. е. 3,7%. Средний заработок всех «промышленников» равнялся в расчете на одно лицо 135 руб. 27 коп., тогда как торговцы получали дохода 692 руб. 05 коп. на каждого. На долю этих 3,7% «промышленников» приходилось 1688,6 тыс. руб. дохода из общей суммы 5982,8 тыс. руб., т. е. 28,2%¹¹⁶. В Шлиссельбургском уезде торговцы, составлявшие 9,9% всех «промышленников», получали 19,0% общей суммы дохода от «промыслов»¹¹⁷.

Приведенные цифры показывают, что хотя нетрудовые доходы от «промыслов» и занимали видное место, все же главная масса доходов была результатом работы по найму и мелкого ремесленного производства и как раз эта часть доходов больше всего сократилась в годы войны¹¹⁸.

Об уменьшении расходов на водку было сказано выше. При этом установлено, что оно не могло существенно облегчить положение оставшихся в деревне женщин и детей. Уменьшились также расходы на аренду земли, но всю выгоду от этого уменьшения получили те, кто имел возможность вести предпринимательскую аренду, т. е. кулаки.

В противовес этому уменьшению расходов в годы войны произошло резкое повышение многих расходных статей крестьянского бюджета. Среди них в первую очередь надо назвать повышение цен на хлеб и другие продукты. Если учесть, что половина крестьян прикупала хлеб, станет ясно, каким бременем легло на деревенскую бедноту резкое повышение цен на хлеб.

С каждым годом войны все сильнее давила на крестьянство быстро растущая дороговизна товаров промышленного производства, не сдерживаемая в деревне никакими таксами.

В годы войны вдвое возросли государственные налоги, а также повысились земские и мирские сборы. Усилились сборы недоимок по долгам в продовольственные капиталы и хлебно-запасные магазины, а также сборы на пополнение натуральных хлебных запасов, что усилило тяготы бедноты, поскольку свыше половины крестьянских дворов были должниками по продовольственным капиталам и запасам.

Особенно возросли в годы войны натуральные повинности крестьян: дорожная, подводная, арестантская (конвой и окарауливание подследственных), квартирная (постой войск и начальства) и др.

Из всего сказанного следует, что в годы войны намного сократились доходы беднейших слоев крестьянства и увеличились их расходы и натуральные повинности, тогда как зажиточная часть крестьян получала увеличенные доходы и извлекала выгоды из ухудшения условий жизни крестьянской бедноты.

Изложенное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1. Первая мировая война нанесла тяжелый урон крестьянскому хозяйству прежде всего мобилизацией мужчин в армию, лишившей его половины лучших работников. 71,9% трудоспособных к 1917 г. составляли женщины и лишь 28,1% — мужчины. Большое количество рабочих рук отвлекалось на принудительные работы по нарядам властей.

¹¹⁵ ЦГИАМ, 1916, д. 108, ч. 65, л. 3—3 об.

¹¹⁶ «Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии. Новолодожский уезд», СПб., 1908, стр. 13, 16.

¹¹⁷ То же. Шлиссельбургский уезд, СПб., 1909, стр. 3—13.

¹¹⁸ Здесь не рассматриваются изменения в заработной плате сельскохозяйственных рабочих. Об этом см. нашу работу в журн. «Исторические записки», т. 60, 1957.

2. С начала войны до Февральской революции 1917 г. для военных нужд было мобилизовано и закуплено до 2,6 млн. лошадей, что пагубно сказалось на однолошадных и малолошадных хозяйствах.

3. Посевные площади зерновых, бобовых культур и картофеля сократились у крестьян с 80,0 млн. десятин в 1914 г. до 71,5 млн. десятин в 1916 г., т. е. на 10,6%.

4. Крестьянское скотоводство, и так малочисленное до войны, понесло значительный урон. Число коров, приходящихся на наличное число хозяйств, сократилось по 13 губерниям к 1916 г. на 10,7%; число бескоровных хозяйств по 12 губерниям выросло к 1917 г. на 17,8% и составило 21,9% к числу всех наличных хозяйств. Огромную убыль понесло крестьянское свиноводство.

5. Мобилизация мужчин лишила крестьянские хозяйства значительной доли основного дохода, который приносила работа в своем хозяйстве. В то же время 6,2 млн. хозяйств лишились дохода от заработков вне своего хозяйства в сумме до 850 млн. руб. в год.

Снижение дохода и рост расходов бедноты и середняков сопровождались небывалым обогащением кулацких верхов.

6. Ухудшение материального положения основных масс крестьянства вызывало у них рост недовольства политикой царизма, а затем Временного правительства и усиление борьбы против помещиков, царизма и буржуазии.

7. В годы первой мировой войны усилилось классовое расслоение крестьянства. Особенностью этого процесса явилось ускоренное обеднение основной массы крестьян и усиленное выделение пролетаризирующихся слоев крестьянства, а также обогащение небольшой кучки кулачества в невиданных ранее размерах. Это обстоятельство повлекло за собой резкое обострение классовой борьбы деревенской бедноты против кулачества, что имело большое значение для успеха Великой Октябрьской социалистической революции.

